

"К 30 июля 2008 года личный состав полка вернулся с больших учений, проводимых в Северной Осетии. Техника возвращалась по железной дороге. Крайний состав с техникой прибыл к месту постоянной дислокации 6 августа. В два часа ночи 8 августа меня вызвал командир дивизии и поставил задачу: в семь часов утра батальонно-тактическая группа нашего полка должна будет вылететь в Северную Осетию. Я назначен старшим группы. Но взлетели мы лишь в четыре часа дня, так как всё предыдущее время шло уточнение задачи.

После выгрузки на аэродроме Беслан в час ночи мы начали марш в сторону Рокского перевала – к туннелю, который соединяет Северную Осетию с Южной. Нам предстояло пройти примерно двести километров, из которых около половины – по равнине, оставшуюся часть пути – по предгорьям и горам. Из них участок километров шестьдесят-восемьдесят представлял собой вообще горный серпантин. Преодолев Рокский туннель, утром 10 августа мы оказались в Джаве. Здесь располагался штаб группировки российских войск. Там нам уточнили задачу: блокировать противника в населённых пунктах вдоль юго-западной окраины Цхинвала.

Почти сразу мы начали марш в сторону Цхинвала. Шли по обходным высокогорным дорогам. Машины двигались на установленной дистанции, поэтому колонна растянулась километров на пять. И тут же начались налёты грузинской авиации. Когда пара истребителей СУ-25 стала заходить на нашу колонну, расчёты ЗУ-23 и ПЗРК мгновенно навели свои установки на самолёт, который шёл первым, и только ждали приказа. Рядом со мной на броне находился авианаводчик. Он спросил: «Чьи самолёты?». После ответа: «Не наши!» зенитчики мгновенно открыли огонь. В самолёты они не попали, но результатом этого было то, что грузинские истребители, уходя от огня наших зенитных установок, отбомбились по ущелью рядом с колонной. Надо сказать, что все солдаты и офицеры были хорошо подготовлены. Многие воевали в Чечне. Поэтому такие стандартные действия, как отражение атаки с воздуха, до мелочей были отработаны ещё на тренировках, и реакция на появление вражеских самолётов была мгновенная. К тому же мы были собраны, понимали: мы едем воевать. После атаки грузинских истребителей продолжили движение к тем сёлам, где должны были произвести зачистку. Но в сёлах к тому времени грузинских военных уже не было. Они отошли.

Дальше, по плану, к ночи с десятого на одиннадцатое августа мы должны были выйти уже к административной границе с Грузией. Но тут поступил новый приказ: выйти на южную окраину Цхинвала.

В Цхинвал мы вошли утром одиннадцатого августа. Вокруг ещё слышалась стрельба. Было видно, что только что здесь был бой, он просто отодвинулся подальше. Всё вокруг горело, дымилось... Сама дорога и обочины вдоль неё были забиты горячей грузинской техникой. Кругом – трупы убитых. Насколько я знаю, к тому времени к Цхинвалу уже подошли батальоны 693-го полка 58-й армии. Именно они вместе с нашими миротворцами и осетинским ополчением вели уличные бои в самом городе. Практически сразу мне была поставлена командованием новая задача: действовать в передовом отряде. В районе села Хетагурово мы должны были пересечь административную границу с Грузией, совершить бросок на расстояние около шестидесяти километров уже по территории Грузии и захватить установленный рубеж у северо-западной окраины города Гори.

Все свои колёсные машины тылового обеспечения мы были вынуждены оставить на окраине Цхинвала: брать их с собой было нельзя, так как было понятно, что предстоит реальная работа; тем более, что вся колёсная техника – не бронированная. Данных о противнике было очень мало, поэтому мы не знали, что и кто находится перед нами. Двигались мы в боевом порядке. На усиление нам придали два батальона: батальон специального назначения ополчения Южной Осетии и чеченский батальон армейского

спецназа «Запад». Часов в двенадцать дня одиннадцатого августа наши три батальона начали движение в направлении Хетагурово.

Тут нас снова атаковала грузинская авиация. Для грузин этот налёт закончился менее удачно, чем предыдущий: с двух сторон нашей колонны мы выпустили одновременно две ракеты из ПЗРК. Один штурмовик был сбит, поэтому и на этот раз самолётам отработать по нашей колонне не удалось. За три километра до Хетагурово (южная окраина его – это уже практически граница с Грузией) ко мне подъехал командир батальона «Запад» и сказал, что личный состав его батальона в бой идти отказался, и поэтому он как командир принял решение возвращаться в Джаву.

Теперь из трёх батальонов у нас осталось два. Не доезжая километр до Хетагурово, ко мне подъехал южноосетинский генерал и попросил послать батальон осетин вперёд: «Мои ребята отомстят за своих отцов, матерей, порвут всех... Только пусть твоя разведка обнаруживает противника». Честно сказать, я испытал некоторое облегчение. Думаю: «Хорошо, что хоть этот батальон остался. Пойдут впереди, хотя бы прочистят всё перед нами». Ведь в осетинском ополчении взрослые мужики, в зрелом возрасте. Мои-то бойцы, хоть и контрактники, но по возрасту по сравнению с ними – пацанва.

Когда мы вышли на южную окраину Хетагурово, этот осетинский батальон специального назначения развернулся, укрылся за домами и открыл огонь в сторону границы с Грузией. Я спешил, подбежал к ним и спрашиваю: «Что вы делаете? Куда стреляете? Какая цель?». Они мне: «Мы видели танк». Я: «Ну и что, что танк! Нам надо выдвигаться и как можно быстрее идти вперёд». И тут их командиры сказали, что они дальше не пойдут. Причина такая: а вдруг грузины остались где-то на территории Южной Осетии? Поэтому им надо срочно идти туда прочёсывать близлежащую местность.

Ситуация складывалась критическая: впереди Грузия и нет никаких точных данных о противнике. У меня осталось всего две роты десантников неполного состава, около двухсот человек, на БМД-1 (их бойцы в шутку называют «алюминиевыми танками»). А вся наша огневая мощь – это артиллерийская батарея из четырёх самоходных орудий «Нона» да три БТРа, на которых установлены зенитки ЗУ-23. Но приказ командования, несмотря ни на что, надо было выполнять. Буквально в течение нескольких секунд мы переговорили с комбатом, и я отдаю приказ: «Продолжаем движение!». Потом, уже когда всё закончилось, мы с невесёлой иронией говорили, что билеты у нас в тот момент были только в один конец. Первым пошёл наш батальонный разведзвод, дальше двинулись остальные. Как только мы перешли административную границу Южной Осетии и Грузии, которая проходит по каналу, с правой стороны нас стали обстреливать. Наша колонна продолжила движение. Всё произошло мгновенно, и было непонятно: была ли это артиллерия, или это действительно стреляли танки. Разрывы снарядов ложились прямо рядом с колонной. Противника мы не видели, но по разлёту комьев земли можно было приблизительно определить, откуда стреляют. Я сразу дал команду развернуть наши зенитные установки направо и открыть ответный огонь в ту сторону. Справа от нас было поле сухой травы и высохшие деревья. Снаряды ЗУ-23 мгновенно это поле подожгли. Всё вокруг заволкло дымом. Стрельба по нам почти сразу прекратилась. Скорее всего, за дымом противник нас потерял. Благодаря этому батальон молниеносно проскочил этот опасный участок.

Мы продолжили движение вдоль русла реки в сторону Гори и вскоре вышли к населённому пункту Вариани. К этому моменту нами было пройдено уже километров сорок-сорок пять из тех шестидесяти, которые нам надо было преодолеть до Гори. Конечно, здесь нас никто не ждал. Люди собирали персики на своих огородах, по которым на полной скорости летела наша колонна. Увидев российских десантников,

народ обомлел и, преодолев первый шок, очень быстро разбежался в разные стороны. Видно было, как легковые машины на огромных скоростях тоже мчатся куда глаза глядят. Ещё в самом начале я дал команду: «Ни в коем случае не открывать огонь по местному населению. Стрелять только тогда, когда стреляют в нас». И тут комбат мне докладывает, что наш разведвзвод справа от себя наблюдает военную базу противника с большим количеством техники и личного состава. Спрашиваю разведчиков: «На каком расстоянии от базы вы находитесь?». Их ответ меня просто ошеломил: «Сорок-пятьдесят метров...». Оказалось, что они двигались вдоль железнодорожной насыпи, заросшей вокруг кустарником. Когда они приостановились, чтобы уточнить место, повернули голову направо – а там огромная военная база!.. По ней грузинские военные гуляют, грузы грузят-разгружают, кругом солдаты и море техники... В первый момент грузины нас ещё не засекли. Но когда наша колонна начала разворачиваться в сторону базы, то нас заметили и сразу открыли по нам огонь. Начался бой...

Минут через двадцать после начала боя мой штабной БТР переезжал дорогу. И тут слева прямо на нас вылетела колонна джипов, на которых были установлены ПТУРы. Конечно, как командир в первую очередь я должен был управлять боем. Но расстояние до противника было всего метров сто-двести, так что тут мне и самому пришлось пострелять из автомата. С офицерами и солдатами нашей штабной машины мы первый джип с ходу сожгли, остальные джипы дожгли те бойцы, которые шли за нами.

Как потом выяснилось, база в Вариани была создана для тылового обеспечения передовых частей грузинских войск, наступавших на Южную Осетию. На этой базе скопилось огромное количество техники, оружия, боеприпасов, продовольствия, снаряжения... На самой базе бой мы вели час-два. За это время всё, что там находилось, мы полностью уничтожили. После нас база ещё горела дня два... Тут надо сказать, что ещё до окончания боя на базе возникла критическая ситуация с нашими десантниками, оставшимися позади нас километрах в пяти. Дело в том, что одна наша машина отстала – вышел из строя двигатель. Вслед за нашей колонной шла машина техзамыкания. Ну как это они могут что-то бросить? Нет, они обязательно всё притащат с собой. Вот они и подцепили сломавшуюся БМД и потащили. С ними шла одна БМД-1 прикрытия. Остановились на перекрёстке, – и тут прямо на них вылетает колонна джипов и грузовых машин!.. В них – до батальона грузин, человек около двухсот. А наших-то всего – два офицера и семь солдат. Плюс к этому одна БМД-1 на ходу, другая – сломанная.

Первым колонну увидел наводчик-оператор. С криком: «Грузины!» он запрыгнул на броню БМД и из «мухи» подбил первый джип. Потом прыгнул в башню на своё штатное место и в течение двух минут сжёг ещё пять машин. Остальные бойцы за это время развернулись и приняли бой. Силы были, конечно, неравные: девять против двухсот. Минут через сорок командир взвода вышел со мной на связь и доложил, что у них заканчиваются боеприпасы, а грузины уже начали обходить их с флангов. Вслед за нами шёл 693-й полк мотострелковый полк из 58-й армии. Их командир, полковник Казаченко, был моим однокашником по академии и раньше служил в десантных войсках. Кстати, их, возможно, обстреляла та же самая батарея, которая стреляла и по нам. Подбили у них танк и БМП, появились погибшие и раненые. Когда мы ещё только начинали свой бросок вперёд, я полковнику Казаченко сказал: «Родной, только не бросай меня далеко впереди себя!». Выхожу на него по рации: «Сам нашим помочь не могу, связан боем! Спаси моих ребят, иначе им точно конец!..». И он берёт танковую роту, мотострелковую роту, с ними отрывается от своего полка и идёт на выручку нашим. Когда они подлетели к месту боя, то его танки сделали всего один залп. Этого оказалось достаточно, чтобы оставшиеся к тому моменту в живых грузины просто разбежались. В этом бою грузины только убитыми потеряли более

пятидесяти человек, почти вся техника у них была сожжена. А у наших девяти десантников – ни одной царапины... Иначе как чудом это назвать невозможно.

На базе мы подсчитали свои потери: четыре человека ранены. Было очевидно, что ночью по чужой территории продвигаться вперёд нельзя. К тому времени к нам уже подошёл танковый батальон 693-го полка. Мы с полковником Казаченко приняли решение занять круговую оборону. По логике ведения боевых действий грузины должны были нанести по нам ответный удар. Ну а если бы на нас пошли танки, то ясно, что они нас просто-напросто раздавили бы. Ведь находились-то мы на ровном месте! Никого не надо было подгонять. Подхожу к окопу: солдат зарывается в землю в полный профиль. У него на бруствере лежит «муха», РПГ-7, стоит АГС-30, автомат, снайперская винтовка, куча гранат, сухпайки... Набрал солдат всего, чего только мог взять, и готов вести бой вечно!.. Говорит: «Командир, не беспокойся. Через меня никто не пройдёт!..».

Ночью нам снова пришлось повоевать. Как мы и предполагали, разрозненные группы противника предприняли несколько попыток прорваться. Тогда у нас двоих солдат ранило легко, а у одного солдата ранение было очень тяжёлое. Позднее в госпитале он скончался от потери крови. Однако массивной атаки грузины почему-то так и не предприняли.

Утром нам уточнили задачу: выйти на господствующие высоты на окраине Гори и захватить телецентр. Одну нашу роту мы усилили танковым взводом,. Командовал этой группой командир батальона гвардии майор Олег Грицаев. Они совершили бросок к телецентру, но не по шоссе (десантники вообще не любят двигаться по дорогам), а через гору. Телецентр – огромная вышка с телевизионными ретрансляторами и ретрансляторами мобильной связи – на склоне этой горы как раз и стоит. Наши подошли к телецентру, посмотрели вниз и видят: стоит грузинская противотанковая батарея. Солдаты спокойно уничтожают сухпайки, никого из наших не видят. Как раз в это время мой начальник артиллерии начинает наши «ноны» куда-то наводить. Спрашиваю: «Какая цель? Куда стрелять собираемся?». Отвечает: «Комбат запросил». Залп!.. Попадание – как в копейку. Наши сверху уничтожение батареи только завершили. А когда я к ним подъехал, то они трофейные пушки уже на свои позиции поставили, снаряды приготовили. Тут же мы вывели из строя телецентр. Как следствие этого в этом районе перестали работать телевидение и сотовая связь. Осмотрелись: под нами на расстоянии полутора километров – город Гори. Но тут по радио передали, что Президент России объявил об окончании боевых действий. Так что и наша война на этом закончилась. Появилось немного времени, чтобы осмыслить то, что произошло за эти два дня. И в первый, и во второй день мы взяли много пленных. От них мы узнали, что у грузин прошла такая информация: две российские десантные дивизии перешли в наступление, сжигают и уничтожают всё на своём пути. Именно поэтому в Гори никого из военных и властей не осталось. Грузины бросили технику, побросали оружие и разбежались.

Я считаю, что главным фактором нашей победы была внезапность наших действий. Грузины никак не ожидали, что мы вообще перейдём границу и пойдём вперёд. Эта дерзость у них вызвала просто шок. И когда уже через пару часов после перехода границы наша батальонная группа на расстоянии около пятидесяти километров в глубине их территории разгромила базу в Вариани, то это их совершенно добило. И в себя они так и не пришли.

Плюс ко всему наши контрактники отработали на сто пятьдесят процентов. Один выстрел со стороны противника вызывал с нашей стороны море огня из всех видов оружия. Поэтому любая попытка огневого воздействия на нас заканчивалась практически мгновенным уничтожением этой огневой точки. Времени у грузин, чтобы опомниться и принять какое-то решение, не было никакого. Командиры, которые находились на месте ведения боя, были либо уничтожены, либо деморализованы. А

старшие командиры, наверное, ничего не могли понять. Ведь плотность нашего огня и, особенно, те непрекращающиеся взрывы на базе в Вариани действительно могли создать впечатление, что наступают две полноценные десантные дивизии. Я не могу сказать, что противник сопротивлялся нам хаотично и беспорядочно. Ведь когда начался бой у базы, в бой почти сразу были брошены грузинские резервы. Их командование в первую очередь бросало в бой те подразделения, которые были рядом. Они подходили с одной стороны, с другой... Но эти резервы были нами перемолоты молниеносно, в первый же момент, на марше. А что делать дальше, грузинские командиры, судя по всему, не знали. И это всё на фоне того, что боеприпасов, оружия, техники в этом районе было собрано просто невероятное количество!.. Это стало понятно, когда мы подсчитали свои трофеи. Чисто психологически мне стало немного легче, когда к нам подошёл батальон Ивановской десантной дивизии. Впереди батальона ехал наш комдив, «батя», как мы его называем. С ним был заместитель командующего ВДВ генерал-майор Вячеслав Николаевич Борисов. Потом подошли ещё войска. Это была уже реальная сила..."

Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2008 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, гвардии полковнику Анашкину Геннадию Владимировичу присвоено звание Героя Российской Федерации.